

Крофта был явно доволен этим сообщением и считал такой ответ Франции серьезным успехом. Крофта, правда, не сомневался в том, что Франция даст именно такой ответ после того, как сама Польша³ ввела ограничительное толкование франко-польского договора в отношении помощи в случае конфликта вокруг Чехословакии, однако очень полезно было еще раз получить ясный ответ о позиции Франции.

С. Александровский,
полпред СССР в Чехословакии

*Публикуется по АВП СССР.
Опубликовано в сб.: «Документы
внешней политики СССР», т. XXI,
с. 331—332.*

¹ См. док. 300.

² См. прим. 5 к док. 295.

³ Позиция польского правительства определялась германо-польским соглашением о «мирном разрешении споров», заключенном в Берлине 26 января 1934 г. сроком на 10 лет. В декларации, подписанной министром иностранных дел Германии фон Нейратом и польским послом Липским, содержалось заявление об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией и об отказе обеих стран от применения силы для разрешения спорных вопросов. В отличие от договоров о ненападении, которые заключил с Польшей и другими государствами Советский Союз, германо-польское соглашение предусматривало сохранение договора в силе и в том случае, если бы одна из договаривающихся сторон вступила в войну с третьим государством. Это свидетельствует о том, что договаривающиеся стороны имели в виду помогать друг другу при агрессии. Германо-польский сговор был направлен прежде всего против Советского Союза, а также против Австрии, Чехословакии и Литвы. Германо-польское соглашение, направленное против проводившейся СССР политики коллективной безопасности, не встретило серьезных возражений со стороны Франции и Англии.

См. также прим. 5 к док. 294, 305.

305

*Сообщение посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера
Министерству иностранных дел Чехословакии о беседах с на-
родным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвино-
вым, послом Франции в СССР Р. Кулондром и замести-
телем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. По-
темкиным*

Москва

18 июня 1938 г.

9-го дня текущего месяца во время приема, который посол Дэвис с супругой дали перед своим отъездом из Москвы, я разговаривал с Литвиновым о Чехословакии. К нашему разговору присоединился Кулондр, что придало разговору более общий характер. Был затронут, в частности, вопрос об отношении Франции к полякам. Поскольку Литвинов в присутствии Кулондра был вынужден говорить по-французски, а вокруг стоящие гости стали прислушиваться, то мы отошли в сторону, что, естественно, еще больше возбудило всеобщее внимание, в особенности присутствующих журналистов и немецких дипломатов, тем более, что разговор значительно затянулся.

Литвинов явно проявил свое согласие с более решительной позицией Франции по отношению к полякам, а Кулондр при этом ему усердно поддакивал. Литвинов упомянул также о том, что он запросил Париж, каким было бы поведение Франции, если бы Польша напала

на Чехословакию, а Советский Союз предоставил бы Чехословакии свою помощь¹. Литвинов полагает, что тон определенной части польской печати по отношению к Чехословакии сейчас несравненно более агрессивный и что из ее высказываний можно судить о том, что Польша действительно вынашивает агрессивные планы, которые проявляются также в концентрации воинских частей на чехословацких границах. Поэтому Польше нужно дать понять, что она не может играть с огнем. Кулондр высказал мнение, что в случае нападения Польши на Чехословакию франко-польский пакт автоматически стал бы недействительным. В этой связи Кулондр снова подчеркнул стремление Парижа узнать, какой будет политика Польши в случае нападения Германии на Чехословакию.

К сожалению, до настоящего времени из Варшавы не удалось получить ничего иного, кроме абсолютно нейтрального заявления, что, конечно, недостаточно. Польша особенно будет сопротивляться проходу советской Армии через ее территорию. На этот счет у Парижа якобы нет никаких иллюзий, так как поляки им сказали об этом еще раз и весьма категорически и снова это подтверждают². По каждому советскому самолету, который попытается перелететь через польскую территорию, поляки откроют огонь.

Что касается прохода через Румынию, продолжал Кулондр, то в Париже считают, что для армии эта дорога чересчур длинна и трудна. Было установлено, что коммуникации находятся в плохом состоянии. Комнен недавно, во время критических майских дней, ясно заявил германскому посланнику в Бухаресте Фабрициусу о том, что Румыния в случае европейского конфликта всегда будет на стороне Франции, и даже якобы попросил, чтобы тот поехал в Берлин и передал это заявление своему правительству. Но что касается прохода русской армии через Румынию, то по этому вопросу король Кароль остается до сих пор «intraitable»*. Конечно, вопрос был бы поставлен совершенно иначе в случае действительного конфликта, когда уже Франция будет проводить мобилизацию. Литвинов также скептически отнесся к возможности легкого получения согласия от румынского правительства на проход советской Армии, имея в виду влияние Варшавы на Румынию. Он хотел бы знать, какое значение имеет визит патриарха Кристи и генерала Ионеску в Варшаву³, заключено ли в действительности какое-либо военное соглашение. Литвинов указал также на трудности, которые Румыния чинит перелетам наших коммерческих самолетов⁴, что он также объясняет нажимом Варшавы.

Хотя и было объявлено о приезде румынских посредников в Москву, но придут они только в конце июня. По мнению Литвинова, в данной обстановке очень важна возможность прохода советских войск через Румынию, не говоря уже о немедленной помощи авиацией. Необходимо иметь прочную связь с территорией Чехословакии. Я выразил свое согласие и добавил, что наилучшим решением был бы, конечно, проход через Польшу, но в данной ситуации необходимо постоянно иметь в виду возможность прохода через Румынию. Особенно на более позднем этапе войны, когда возникла бы необходимость задуматься об эвакуации из чешских областей (это пессимистическая гипотеза), то можно было бы продолжить войну, опираясь на Карпаты, при условии наличия связи с Советским Союзом. Я указал

* *Непреклонный (франц.)*

также на пример Бельгии и Сербии, которые и после эвакуации со всей своей территории могли продолжать участвовать в войне и в конце концов победили. Литвинов живо со мной согласился, сославшись на заверение, которое он в свое время получил от президента Бенеша.

Я использовал эту возможность для того, чтобы затронуть вопрос, который всегда беспокоил Кулондра. Я спросил Литвинова, можно ли в случае прохода советских войск дать Польше и Румынии полную территориальную гарантию. Литвинов ответил, что это само собой разумеется, и сослался на соглашение, которое он в свое время подготавливал с Титулеску, согласно которому советская Армия сразу после окончания операций снова вернется за Днестр. Я высказал мнение, что, естественно, такая гарантия, данная при согласии всех участвующих в конфликте держав, могла бы значительно повлиять на политику Румынии.

При этом я снова подчеркнул необходимость достижения определенного конкретного соглашения между Парижем и Москвой, которое касалось бы всех условий сотрудничества Советского Союза в случае конфликта. Переговоры по этим вопросам являются для нас более щекотливыми, чем для Франции. Без подобного соглашения возникает много сомнений относительно действительных возможностей и действительного стремления к проведению общих акций. Войну можно предотвратить лишь тогда, если Германия убедится в том, что конфликт будет всеобщим и ей придется вести борьбу против широкой коалиции. Уже само наличие такого соглашения может воспрепятствовать войне. Хотя Чехословакия может пойти на уступки в вопросе национального меньшинства, которые не подорвали бы целостности и обороноспособности нашей страны, но тем не менее эти уступки с нашей стороны будет сделать легче, чем тверже будет позиция остальных держав.

Кулондр реагировал на это с большой живостью и указал на решительную позицию французского правительства в критические майские дни⁵. Я сказал, что мои замечания касаются главным образом Англии, но ясно, что из кризиса мы еще не вышли и что в будущем еще потребуются согласованные и очень решительные действия. Кулондр и Литвинов полностью согласились со мной в том, что необходимо, чтобы между Парижем и Москвой как можно скорее состоялось конкретное обсуждение всех общих возможностей в вопросе обороны.

Пользуясь данным случаем, Кулондр снова заговорил о своей идее относительно перелета советских самолетов во Францию с использованием для посадки территории Чехословакии. По его мнению, это заполнило бы брешь, которая ныне существует во французской авиации. Кроме того, налеты советских самолетов на германские промышленные центры лучше осуществлять с территории Чехословакии и Франции. Советские самолеты, совершающие полеты между Чехословакией и Францией (относительно небольшое расстояние), могли бы, с одной стороны, более безопасно приземляться, имея выбор аэродромов в обоих направлениях. С другой стороны, это дает возможность более надежного поражения важных стратегических объектов на германской территории, в результате чего действия авиации были бы более эффективными. На эту идею Кулондра Литвинов никак не прореагировал, не имея, очевидно, действительного представления относительно упомянутых возможностей и не желая поэтому высказать свое мнение.

Я полагаю, что идея Кулондра, о которой он упомянул сразу же после своего возвращения из Парижа, обсуждалась французскими военными специалистами как одна из возможностей для действенного сотрудничества Франции и Советского Союза в случае конфликта ⁶.

Мы с Кулондром договорились, что встретимся на следующий день, чтобы подробнее остановиться на том, о чем мы беседовали с Литвиновым. Поэтому на следующий день утром я посетил Кулондра, который мне сказал, что два дня назад он получил сообщение о том, что советский поверенный в делах в Париже посетил Бонне и спросил его, какой будет позиция Франции в случае нападения Польши на Чехословакию. Кулондр якобы не придавал этому особого значения, поскольку само собой разумеется, что в случае нападения Польши на Чехословакию становится беспредметным не только франко-польский пакт, но и Франция сама будет вынуждена защищать Чехословакию. Поэтому его удивляет, что Литвинов придает особое значение этому вопросу. Весьма отрадным является тот факт, что Советский Союз, о желании которого вмешаться в случае конфликта высказывались в свое время различные сомнения, сейчас так категорически и бескомпромиссно подчеркивает свою солидарность и свое желание.

Я ответил Кулондру, что запрос Советского правительства в Париже может иметь большое практическое и теоретическое значение, принимая во внимание Польшу, так как он заставляет задуматься над тем, в каком тяжелом положении могла бы очутиться Польша, если она и в дальнейшем следовала бы прежней политике Бека. С другой стороны, из-за неправильного толкования существующих пактов могут возникнуть некоторые сомнения (пример — Бартеlemi ⁷). Сам я не отваживаюсь делать правовой анализ существующих международных обязательств. Тем не менее, здесь есть целый ряд обстоятельств, действительное значение которых в случае советско-польского конфликта Москва была бы заинтересована уточнить. Прежде всего речь идет о дополнительном протоколе к франко-советскому пакту ⁸, смысл которого заключается в том, что в случае самостоятельных действий Советского Союза на чужой территории, которые привели бы впоследствии к нападению на Советский Союз, Франция не была бы обязана прийти на помощь СССР. (В то время подразумевалась оборона Литвы против Польши.) Во-вторых, имеется также дополнительный протокол к чехословацко-советскому пакту ⁹, согласно которому мы сами отказываемся от помощи Советов в случае нападения на нас Польши. Заключая в свое время данный пакт, президент Бенеш хотел показать полякам, что пакт не направлен против них. Конечно, здесь имеется то обстоятельство, что пакт с Францией заключен на случай конфликта с Германией, и как таковой он логически связан с Локарнским соглашением, которое в случае агрессии со стороны другого государства, хотя и не уменьшает его значение, но дает возможность интерпретировать данный пакт разными способами. Конечно, я ценю советский запрос в Париже в первую очередь за его политическое значение, ибо он показывает подлинные и лояльные намерения Советского Союза по отношению к нам.

13 числа этого месяца, во время визита к Потемкину, я спросил его, не получила ли Москва ответ на свой запрос в Париже. Потемкин мне сказал, что пока что из Парижа поступил предварительный ответ в том смысле, что нападение на нас Польши было бы грубым нарушением пакта, но что о точном правовом анализе значения вмешательства

Советского Союза будет сообщено позже, после подробного изучения данного вопроса. Потемкин также придает значение запросу, учитывая дополнение к франко-советскому пакту.

Было бы хорошо, если бы Министерство иностранных дел сообщило мне как можно скорее свою точку зрения на значение советского запроса с правовой точки зрения и возможного французского ответа. Я был бы также благодарен за подробную информацию относительно того, насколько переговоры между Парижем и Москвой затрагивают вопрос военного взаимодействия и в какой мере происходит сближение точек зрения между Варшавой, Бухарестом и Парижем¹⁰.

Поскольку я намерен уйти в свой очередной отпуск в начале июля, то не считаю нужным выезжать в Прагу для получения информации ввиду того, что здесь обсуждаются другие вопросы. Тем не менее, было бы полезным перед моим уходом в отпуск информировать Литвинова относительно вышеизложенного.

Фирлингер

*AFMZV, Praha, PZ Moskva, 1938,
č. 74, č. j. 90494/11/38.
Подлинник. Перевод с чешского.*

¹ См. док. 300.

² См. прим. 5 к док. 294, 304.

³ См. док. 298.

⁴ См. док. 292.

⁵ Речь идет о событиях, связанных с проведением частичной мобилизации в Чехословакии (см. прим. 1 к док. 292). 21 мая французское правительство выступило с заявлением о том, что оно готово выполнить свои обязательства перед Чехословакией. Однако на следующий же день, после того как английский посол во Франции Э. Фиппе предупредил правительство Франции, что Англия в своем заявлении от 21 мая «не пошла дальше заявления, сделанного премьер-министром в парламенте 24 марта» («Documents on British Foreign Policy. 1919—1939», ser. III, vol. I, p. 346—347), Бонне дал твердые заверения в том, что Франция не будет прибегать к военным мерам без консультации с английским правительством (см. также прим. 3 к док. 250, прим. 1 к док. 294 и прим. 6 к док. 311).

⁶ См. прим. 6 к док. 294.

⁷ Речь идет о видном французском юристе И. Бартелеми, который 12 апреля 1938 г. заявил в газете «Тан», тесно связанной с МИД Франции, что никакие международные договоры не обязывают Францию вступить в защиту Чехословакии. Он писал: «Франция не нарушит данного ею слова, не лишится чести, не откажется от своей подписи: она не обязана вести войну, чтобы удержать судетских немцев под властью Праги». Статья Бартелеми была опубликована за два дня до официального вступления Бонне в должность министра иностранных дел.

⁸ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, с. 309—312.

⁹ См. док. 65.

¹⁰ В ответ на запрос З. Фирлингера К. Крофта в телеграмме от 24 июня 1938 г. сообщил, что в случае нападения Польши на Чехословакию Франция, по мнению Ж. Бонне, чувствовала бы себя свободной от обязательств, вытекающих из союзного договора с Польшей, а обязательства Франции по отношению к СССР могли бы приниматься в расчет лишь при условии, если бы Германия напала на СССР. В заключенные телеграммы указывалось, что Ж. Бонне не рекомендует вести переговоры о военном сотрудничестве между Францией и СССР, чтобы не раздражать английских консерваторов (AFMZV, Praha, PZ Moskva; Telegramy odeslané 1938, č. 740).